

УДК 882 (929)

«ИСТИННОЕ СОЗЕРЦАНИЕ ПРИРОДЫ» КАК СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ТИП МЫШЛЕНИЯ В.ГЕТЕ

© А.М.Саяпова

В статье через призму герменевтического истолкования двух работ Вяч.Иванова («Гете на рубеже двух столетий», «Мысли о поэзии») рассматривается проблема синергетического осмысления Природы немецким поэтом В.Гете.

Ключевые слова: синергетика, герменевтика, духовная связь, синтез культурных традиций.

Известно, что символисты проявляли большой интерес к творчеству Гете, в котором они видели своего предшественника, оказавшего значительное влияние на формирование русского символизма. Очевидно, что в своих статьях теоретики символизма проецировали художественно-эстетический опыт своего литературного направления на творчество Гете, акцентируя то, что роднит их с ним. Интерпретация символами творчества Гете дает нам возможность герменевтически толковать их статьи: Гете, осмысленный с позиций символизма, предстает перед нами художником синергетического типа мышления в созерцании, понимании Природы. В данной статье нам представляется интересным герменевтическое прочтение двух работ Вяч.Иванова – «Гете на рубеже двух столетий» и «Мысли о поэзии».

Поиск «живой воды» ведет Гете к античности и к средневековой поэзии Хафиза («Западно-восточный диван»). Общеизвестным является мнение о творчестве Гете как об определяющем дальнейшие отношения между литературами Востока и Запада. Европейский романтизм в лице Гердера, Шиллера, Гете, Гейне формирует такой тип мышления, когда народы мира предстают как нечто Целое с универсальным общечеловеческим содержанием. Заметим, что подобный взгляд на человечество стал возможным только в Новое время. В средневековых литературах при наличии типологических отношений и взаимосвязей резонансного типа синергетического мышления как осознанной духовной связи между народами еще не существовало (см., например, сборник статей известных ученых, занимающихся изучением характера взаимосвязей средневековых литератур Востока и Запада «Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада» [1]).

Синергетический тип мышления принципиально отличен от классического типа мышления, антропологического по сути. Противопоставив человека-субъекта всему остальному миру, наука

нарушила закон Целого, онтологическую Справедливость. Т.П.Григорьева пишет: «Синергетика опирается не на волю человека, его представления, а на волю Вселенной. В ее лице наука выходит на ту позицию, которую на буддийско-даосском Востоке называют Средним Путем. Это значит – следовать Пути мирового становления, не расходиться с предустановленным порядком, небесным ритмом, не отклоняясь ни вправо, ни влево, ибо Истина в Центре (Чжун); крайности же ведут к самопогибели. <...> Следовали также закону Естественности (Цзыжань): не навязывая Природе своего образца, а беря ее за образец, не поучали Природу, а учились у нее. В синергетике это называется законом самоорганизации» [2: 91].

О том, что настоящая поэзия творится художником, ощущающим Природу как Целое-Единое, дающую «форму творящую» для «сотворенной формы», что, в сущности, заметим, и соответствует законам синергетики, пишет Вяч.Иванов в работе «Мысли о поэзии»: «Безжизненным изделием, облаченным идиолом под золотую личиною, представится нам сооружение мастерства, если сотворенная форма не стала живым обличьем формы творящей, если все ее особенности – и пусть даже несовершенства – не говорят о ее свободном согласии с целым и не оправданы дышащим единством целого, внутреннею целесообразностью зиждущего свою плоть, вдохновенного и тем самым чудесно одушевленного образа» [3: 231]. «Сотворенная форма», по Вяч.Иванову, – само произведение, «как вещь – *res* – в мире вещей», «форма творящая» – «существует до вещи, как форма *ante rem* (предвещи – лат.), как действенный прообраз творения в мысли творца. «Это не замысел, понятый как интенция, и даже не замысел как притяженность фантазии далеким образом, еще неясно различаемым чрез магический кристалл. <...> Нет, это – уже самостоятельное бытие, определившееся до существенной независимости от самого художника, взывавшая в его “беременной” (по

смелому выражению Платона) душе умная сила, безошибочно знающая свои пути и предписывающая материи свой закон необходимого воплощения» [3: 231]. Таким образом, этот «действенный прообраз творения в мысли творца» и ведет художника к тому, что «сотворенная форма» становится «живым обличем формы творящей», благодаря чему достигается субъект-объектная неразделенность, согласие с Целым.

Определения «сотворенная форма», «форма творящая» заимствованы Вяч.Ивановым из сочинений Спинозы, учением о природе которого был увлечен Гете в течение многих лет. Генрих Гейне называет Гете «Спинозой поэзии» [4: 171]. Философ Нового времени говорит о «природе творящей» (*natura naturans*) и «природе сотворенной» (*natura naturata*). Субстанция, по учению Спинозы, является «природой творящей», а единичные вещи, характеризующиеся как «модусы», – «природой сотворенной». Причем философ отождествляет бога с субстанцией. Бог и субстанция сливаются у него в одно понятие. Бог не стоит над природой, не является творцом вне природы, он находится прямо в ней как ее имманентная причина.

О «действенном прообразе творения в мысли творца», об интуитивном ощущении этого «творения» и о том, как произведение художника становится «живым обличем формы творящей», говорит Вяч.Иванов прежде всего на примере Гете, который одним из первых в литературе Нового времени художественно-эстетически выразил согласие с Целым-Единым. Следовательно, «форма творящая» как «действенный прообраз творения» предполагает ощущение «объекта» Целого, который в «сотворенной форме» реализуется в субъектной неразделенности с ним. Об ощущении Гете Целого, «творящей (зигдущей) форме», Вяч.Иванов пишет так: «Однажды Гете имел мгновенное и единственное в своем роде, хоть и всем близкое, всем душевно созвучное, зрение вечернего покоя природы. Такой взгляд на повседневное, открывающий в нем нечто никем не уловленное и не закрепленное, Сезанн называл «*ma petite sensation*» <«мое мимолетное ощущение» – фр.>: это – зерно зигдущей формы. Свое узрение Гете выразил в стихотворении, хорошо нам известном по его русскому эхо – “Горные вершины спят во тьме ночной”». Далее критик дает свое, т.е. читательское, размышление над «узрением» Гете: «Он заставляет нас живо ощутить космическое единство нашей жизни с жизнью природы: ритм последней – вечная смена в ней оживления и покоя – есть ритм всякого бытия; единый закон обеспечивает освеженному сном пробуждение к деятельности,

усталому – отдых» [3: 232]. Это мимолетное ощущение космического единства человека с жизнью природы и формирует синергетический тип творческого мышления, когда художник, как выразился Вяч.Иванов о Гете, находится «всецело во власти родившейся формы».

Сочинения Спинозы укрепили мнение Гете о природе, «действующей согласно вечным, необходимым и до того божественным законам, что даже бог, казалось бы, ничего не может изменить в них. С этим, сами того не сознавая, согласны все люди» [5: 484]. О своей ведомости «родившейся формой» он в «Поэзии и правде» пишет следующее: «В конце концов, я стал рассматривать свой врожденный поэтический талант как природу, тем паче что внешнюю природу отныне почитал за объект поэзии. Проявление поэтического дара, правда, могло быть вызвано и определено каким-нибудь поводом, но всего радостнее, всего ярче он проявляется произвольно, более того – против моей воли» [5: 485].

Власть «зигдущей формы», условием которой является субъект-объектная неразделенность как интуитивно-творческое подчинение творца закону Целого – воле Вселенной, присуща лирике Гете на протяжении всего его творчества. Эта мысль со всей очевидностью раскрывается в анализе Вяч.Ивановым стихотворения Гете «Постоянное в изменчивом» («*Dauer in Weehsel*»). Критик утверждает, что у Гете понятие «форма» используется не в значении художественного «как» (*comment*) в противоположность предмету изображения, художественному «что» (*quoi*), а в чем-то другом, что определяется субъект-объектной неразделенностью: «поэт имеет в виду не совершенство выражения, не искусство выполнения, но предопределяющий свое воплощение творческий образ». Следовательно, и под «содержанием» (*Gehalt*), – развивает свое положение Вяч.Иванов, – «разумеет он не предмет поэмы, но избыточную полноту сил и воодушевления, необходимую для творчества: иначе не сказал бы, что поэт находит это содержание не в интеллекте или фантазии, но в своей груди (*in deiner Brust*)» [3: 233].

Стихотворение это о том, что в основе жизни по законам самой Природы лежит некая сила, которая и есть причина вечного необратимого движения, постоянного видоизменения, смен явлений. Вяч.Иванов, цитируя строки Гете, рассуждает не столько о содержании произведения, сколько о своеобразии мироощущения поэта, определяющемся интуитивным восприятием мира как Целого, а также типом творческого сознания, благодаря которому выстраивается картина мира в его вечном движении-хаосе. По справедливому

определению Вяч.Иванова, стихотворение «есть попытка удержать, охватить, согласить многообразное, противоречивое, непрестанно сменяющееся и ускользающее содержание жизни путем обретения в духе единой формы, его обнимающей, как чего-то постоянного, не отменяемого, но утверждаемого самою сменой взаимно отрицающих друг друга явлений» [3: 233]. Вот этот «дух единой формы», характерный для Гете, по мнению критика, есть не искусство выполнения, а «предопределяющий свое воплощение творческий образ», та «звиздающая форма», во власти которой и находится Гете-поэт. И это понятие «звиздающей формы» в лирике Гете «переступает за пределы искусства и утверждается в жизни как принцип личности» [3: 233]. Так характеризует Вяч.Иванов мироощущение Гете, которое роднит его с человеком архаичных времен. Подобное мироощущение характерно для средневекового человека (философия Дао, Ибн Араби – философия Целого, Единого).

Миропонимание Гете выражено в последнем сегменте произведения, в котором художественные образы создаются не только поэтическими средствами лирики, но изречениями-сентенциями философского содержания. Противоречивость, изменчивость жизни в творческом сознании Гете выражена философско-эстетической конфигурацией «Слей в одно закат свершений / С первым блеском нежных зорь», что является художественным выражением философии Единого – «все одно – одно во всем».

Вспомним, что еще у Плотина феноменология Единого представлена следующим образом: «Мир эманурует из Единого, как своего рода истечение от переполнения, но по мере истечения его само единое ничего не теряет, а остается неизменным, как свет» [6: 28]. Позже средневековый арабский философ Ибн Араби, развивая учение Плотина, раскрывает отношение «единство – множественность»: «Множественность не возникает из единства, а наличествует внутри него. <...> Поскольку единое, в-самом-себе множественное бытие континуально, то и множественность этого единства может быть эксплицирована только бесконечным числом шагов» [7: 131]. Таким образом, по религиозному мистицизму Ибн Араби, Мир и Бог – сущностно едины: мир – лишь отображение тех возможностей, которые есть в Боге-Едином.

Понятие «Первоединый» было известно уже античности. Так, А.Ф.Лосев пишет: «Чтобы иметь возможность жить среди мук Первоедино, грек создал видения Аполлона» [8: 31]. Грек создал и Диониса. Опираясь на воззрения Шеллинга – «Основное созерцание самого Хаоса ле-

жит в созерцании Абсолюта», А.Ф.Лосев комментирует антитетическому тождество Аполлона и Диониса.

Понятие хаоса, интуитивно сведенное в одно всеединство, мыслимое как нечто самоорганизующееся, характерно уже для досократовской философии, предвещающей эллинский период. Так, у Фалеса, как пишет А.Ф.Лосев, «мистической формулой разбросанного и пестрого мира» становится «...небывалый полет мысли и фантазии, интуитивное сведение хаоса вещей и предметов, событий и переживаний в одно всеединство» [8: 103].

Признает Единое (Беспредельное) и следующий философ этого периода – Анаксимандр. В основе его учения – натурализм, который содержит в своей глубине «невывявленную диалектику» (А.Ф.Лосев). По его убеждению, «возникновение вещей происходит не от качественного изменения стихии (элемента), но вследствие того, что выделяются противоположности по причине вечного движения» [8: 115].

Из философии Нового времени большой интерес, на наш взгляд, представляют высказывания о Едином-Абсолюте Ф.Шеллинга, для которого характерен синкретизм мышления: отмеченная пантеизмом мировоззренческая концепция Шеллинга является отражением стремления к единству мировоззрения. Рассуждения Шеллинга о единстве противоположных начал как воле (закономерности) Вселенной привели его к целостному видению мира и к осознанию первоначального Хаоса как основы мироздания. Пантеистический характер философии Шеллинга сводится к концепции, утверждающей, что реальность в ее субстанциональном выражении должна примирять субъективное и объективное, идеальное и реальное. Перевес «идеального» над «объективным» проявляется в том, что философское познание, выражающееся в понятиях, понимается как самосознание абсолютного начала. Абсолютное начало реальности называется идеей, к ней относятся «понятия», которые являются «образцами» для отдельных областей реальности.

Вслед за Шеллингом эту концепцию развивает Гегель. Им выдвигается тезис о том, что познание является самосознанием абсолютного начала самой реальности. Таким образом, шеллинго-гегелевское саморазвитие идеи как Абсолютного начала реальности соответствует синергетическому понятию «самоорганизация». О вкладе Гегеля в познание саморазвивающихся систем вслед за В.С.Степиным пишет М.А.Дрюк: «...Гегель предвосхитил на метафизическом уровне ... общий принцип функционирования

саморазвивающихся систем: развертывая свои внутренние противоречия, объект порождает “свое иное”, которое взаимодействует с породившим его основанием и наращивает новые уровни организации, формируя новое целое» [9: 105].

Не только Вяч.Иванов, но и другие символисты видели в Гете вестника грядущего. Так, по мнению Эллиса, Гете как мистик допускает «бытие иного мира совершенных и вечных форм Прекрасного и в сильном тяготении к нему усматривает единственную ценность и смысл “всех человеческих порывов”». Однако созерцание форм этой идеи Прекрасного требует, как считает теоретик символизма, «очищения и напряжения всех духовных сил субъекта» [10: 17], подобно тому как и Шопенгауэр считал условием созерцания превращение индивидуума в «чистый субъект» познания: «...гениальность есть способность относиться вполне созерцательно, теряться в созерцании, и свое познание, предназначенное собственно к услужению воле, освобождать от такого служения, т.е. совершенно упускать из виду собственный интерес, собственное желание, собственные цели, и потому вполне отказываться на время от собственной особы, чтобы остаться чистым познающим субъектом, ясным оком мироздания... Можно подумать, что, для того чтобы гений проявился в индивидууме, последнему дается мера познавательной силы, далеко превышающая потребную для служения индивидуальной воле, и что освобожденный избыток познания тут становится безвольным субъектом, ясным зеркалом существа мира» [11: 415].

Само понятие «идея» по Гете, как пишет Вяч.Иванов, представляя диалог поэта с Шиллером, – это символическое определение сути самой природы. Изучая морфологию растений, Гете, по его убеждению, открыл общий морфологический принцип: «все растительные формы суть видоизменения единой формы – листа» [3: 258]. Его понятие «символическое растение» – это идея, которая конкретно видима всюду, где есть растение [3: 258]. По Гете, «природу и идею нельзя разъединять, не разрушая либо жизни, либо искусства» («Этюд о корове Мирона»). Другими словами, «жизнь в природе обуславливается присутствием в живом организме его вечной идеи, которая составляет его жизненную энергию и принцип его развития; искусства также нет, если изображенные формы не органичны, т.е. не основаны на единстве формы и содержания, – идея не воплощена, а материя не стала идеей» [3: 259].

В «Изречениях в прозе» Гете пишет: «Прекрасное есть обнаружение тайных законов природы, которые без его выявления остались бы для нас вечно сокрытыми» [цит. по: 3: 259]. Этот основной философско-эстетический постулат художественно реализуется Гете в «Фаусте» и «Западно-восточном диване». Эти два произведения имеют много общего как на уровне поднятых проблем, так и на уровне художественного их осмысления. Родственность обоих произведений определяется уже началом каждого из них: как в «Фаусте», так и в «Западно-восточном диване» Гете формулирует проблему «обнаружения тайных законов природы».

Поиск Гете «таинств природы», начавшийся с греко-европейской культурно-исторической сферы, приводит его к пониманию «внутренней связи» мира, единства Запада и Востока. В образе эллинской Елены, олицетворяющей высшую форму красоты, очевидно сочетание греко-европейского с персидским, одним из доказательств чего может стать диалог Елены и Фауста (действие третье, часть вторая), в котором угадываются следы персидской поэзии. О сочетании греко-европейских литературных традиций с персидской поэзией на примере «Фауста» и «Западно-восточного дивана» писали такие ученые, как Л.М.Кессель [12], И.С. Брагинский [13].

В первой книге «Западно-восточного дивана» – «Моганни-наме» («Книга певца») дается поэтическая декларация Гете, объясняющая общий дух «Дивана». Чтобы после развала «Севера, Запада, Юга» воскреснуть к «новой жизни», нужно отправиться на Восток, который и раскроет таинства природы. Чтобы постичь таинства природы, нужно слиться с ней, т.е. постичь ее как Целое и стать частью этого Целого.

Природа становится обителью певца, а в персидском поэте Гафизе певец находит высший закон искусства – закон взаимодействия субъекта и объекта. И тогда певца «песнь живая» «Возлетит к пределам рая, / Там тихонько постучится / И к бессмертью приобщится». Художественные рассуждения Гете в «Фаусте» о единстве противоположных начал как закономерности Природы-Вселенной привели его к целостному видению мира с лежащим в основе первоначальным Хаосом.

Космическое единство человеческой жизни с жизнью природы – основная философская мысль этих двух произведений Гете, которая и свидетельствует о синергетическом типе мышления, выражающем духовное единство Востока и Запада. Герменевтическое осмысление двух работ Вяч. Иванова о Гете («Гете на рубеже двух столетий», «Мысли о поэзии») стало для нас ключе-

вым в подтверждении данного положения. При чем значимо, на наш взгляд, и то, что, благодаря герменевтическому восприятию толкований теоретиком символизма типа мышления немецкого поэта, мы можем утверждать, что в образах-символах Гете формируется синергетика как философия Природы, призванная давать ответ на основополагающий вопрос человечества: как возможно понимание окружающего нас мира, как в этом понимании воплощается истина бытия? Только синергетический тип мышления, говорит нам творчество Гете, способствует осмыслению мира как Целого, мира как творения Природы. В культуре Нового времени, когда становится очевидным господство науки, синергетика как философия Природы должна стать основой человеческого самосознания.

*****

1. Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. – М.: Наука, 1974. – 575 с.
2. Григорьева Т. Синергетика и Восток // Вопр. философии. – 1997. – № 3. – С. 90–102.

3. Иванов В.И. Родное и вселенское. – М.: Республика, 1994. – 428 с.
4. Гейне Г. К истории религии и философии в Германии. – М.: Прогресс, 1994. – 226 с.
5. Гете И.В. Из моей жизни. Поэзия и правда / пер. с нем. Н. Ман. – М.: Худ. лит., 1969. – 606 с.
6. Бертельс Е.Э. Суфизм и суфийская литература // Бертельс Е.Э. Избр. тр. – М.: Наука, 1965. – С. 54–62.
7. Смирнов А.В. Великий шейх суфизма. – М.: Наука, 1993. – 328 с.
8. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М.: Мысль, 1993. – 959 с.
9. Дрюк М.А. Синергетика: позитивное знание и импрессионизм // Вопр. философии. – 2004. – № 10. – С. 102–113.
10. Эллис. Русские символисты. – Томск: Водолей, 1996. – 287 с.
11. Шопенгауэр А. Избр. произ. – М.: Просвещение, 1992. – 479 с.
12. Кессель Л.М. Гете и «Западно-восточный диван». – М.: Наука, 1973. – 119 с.
13. Брагинский И.С. Проблема западно-восточного синтеза // Проблемы востоковедения. Актуальные вопросы восточного литературоведения. – М.: Наука, 1974. – С. 301–312.

«VERITABLE CONTEMPLATION OF NATURE» AS THE SYNERGETIC TYPE OF THINKING OF GOETHE

A.M.Sayarova

The problem of synergetic comprehension of Nature by the German poet Johann Wolfgang von Goethe seen as the synthesis of western and oriental types of thinking is discussed in the article. Hermeneutic interpretation of the two works given by V.Ivanov («Goethe at the turn of the two centuries», «Thoughts about poetry») is the starting point for the solution of the assigned task.

Key words: synergetics, hermeneutics, hermeneutic interpretation, spiritual bond.

*****

Саяпова Альбина Мазгаровна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Института филологии и искусств Казанского федерального университета.

E-mail: rzlmp@list.ru

Поступила в редакцию 21.02.2012